

Ощепков А.Н. Раскол. Опыт историко-философского осмысления // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2016. – № 1. – С. 73–89.

Oschepkov A.N. Church dissent. Experience of historical and philosophical conceptualization. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law.* 2016. No. 4. Pp. 73–89.

УДК 271.2(47+57)-86

А.Н. Ощепков

РАСКОЛ.

ОПЫТ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Цель данной статьи – исследование произошедшего в XVII веке церковного раскола как многофакторного явления, оказавшего влияние на изменения в культурных основаниях развития российской цивилизации. В статье дается анализ исторического контекста реформ патриарха Никона.

Особое внимание уделено борьбе светской и церковной власти, в которой воплощены стремление Алексея Михайловича осуществить «Константинопольский проект» с восшествием на византийский престол и жажда Никона воплотить идею «Москва – третий Рим», чтобы получить статус Вселенского Патриарха наподобие Папы Римского.

Представлен обзор источников, на основе которых осуществлялось исправление богослужбных книг. В результате ставятся под сомнение оправданность и безупречность проведенных исправлений.

Анализируются культурные последствия никоновской реформы в плане ее влияния на издательское дело, грамотность и просвещение народа, на судьбу мессианских идей Русского государства, на возникновение идейных расхождений между высшими и низшими слоями общества. Разногласия вылились в то, что на уровне массового сознания никоновские реформы долгое время воспринимались как насаждение «чужой веры», противоречащие духу «Голубиной книги» и «Стоглава».

Особое внимание уделяется сравнению двух философских традиций: европейской – с культом мысли как таковой и российской – с культом правильного делания. Автор делает вывод о том, что влияние реформ Никона на сохранение и развитие русской идентичности было более негативным, чем позитивным.

Ключевые слова: Никон, церковный раскол, старообрядчество, идеология, Московская Русь.

A.N. Oschepkov

CHURCH DISSENT. EXPERIENCE OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL CONCEPTUALIZATION

The purpose of this article puts research of the Church Split which was happened in the 17th century. It become as the multiple-factor phenomenon which has exerted impact on changes in the cultural bases of development of the Russian civilization. In article the analysis of a historical context of reform of Nikon is given.

The person the attention is paid to fight of two authorities – secular and church: Alexey Mikhaylovich's aspiration to carry out "The Constantinople project" with ascent on the Byzantine throne

© Ощепков Алексей Николаевич – инженер кафедры ракетно-космической техники и энергетических систем, ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: adjargan@mail.ru.

and Nikon's thirst to embody idea "Moscow – the third Rome" in receiving the status of the Universal Patriarch like the Pope.

The author carries out the review of sources on the basis of which correction of prayer books as a result of which correctness and faultlessness of the carried-out corrections are called into question was carried out.

In article the analysis of cultural consequences of reform of Nikon in the plan of her influence on publishing, for literacy and education of the people, for destiny of messianic ideas of the Russian state, for emergence of ideological divergences between the highest and the lower class is carried out. It is shown how disagreements have poured out in the fact that at the level of mass consciousness nikonovsky reforms were perceived as planting of "foreign belief", contradicting spirit of "The pigeon book" and "Stolgava".

The special attention is paid by the author to comparison of two philosophical traditions: the European – with a cult of thought per se, and Russian – with a cult of the correct making. In general, draws a conclusion about more negative influence of reforms of Nikon on preservation and development of the Russian identity, than positive.

Keywords: Nikon, Church Split, Old Belief, ideology, Moscow Russia.

Церковный раскол XVII века – одно из самых трагических и неоднозначных событий в истории не только Русской православной церкви, но и русского народа в целом. Последствия этой народной трагедии не изжиты до сих пор, и трудно однозначно оценить всю их глубину.

В среде старообрядцев различных толков реформа, проведенная патриархом Никоном, и дальнейшие притеснения со стороны светской и духовной власти, воспринимаются не иначе как гибель Святой Руси, поглощение ее секуляризованной западной цивилизацией.

С другой стороны, в официальной позиции РПЦ, несмотря на снятие клятв со старомосковского обряда, до сей поры встречается немало апологетики никоновской реформе как необходимой для унификации богослужебных книг. А сами лидеры раскола предстают с этой официальной позиции как малограмотные фанатики, готовые идти в огонь ради одного только двуперстного знамения, сугубой аллилуйи и имени Иисус.

Цель написания данной работы лежит далеко за пределами простого исторического интереса. **Изучение такого крупного и многофакторного события как церковный раскол XVII века, суть которого далеко не ограничивается только реформой богослужения, позволит выявить общие закономерности в модернизационных процессах, происходивших и происходящих в России.** Речь идет о последующих Петровских реформах, революции 1905 и 1917 годов, перестройке и распаде Союза ССР. При оценке мы будем учитывать совокупность внутривнутриполитических, внешнеполитических, экономических и идеологических факторов, так или иначе связанных с вопросами религии.

Одной из главных причин церковной реформы патриарха Никона, имеющей как внутривнутрироссийские, так и внешние корни, является вопрос возможности обретения русским царем Константинопольского престола. «Дело в том, что *Алексей Михайлович первым из русских царей всерьез задумал воссесть на древний византийский престол, встать во главе всего православного мира.* Алексей Михайлович считал себя преемником древних греческих

императоров не только в делах веры и благочестия, но и законным наследником их царства, верил, что ему или его преемникам суждено в будущем владеть самим Константинополем и всеми православными народами, томящимися под турецким игом... Реформа для достижения церковного единообразия по греческому образцу была для царя Алексея первой ступенью в осуществлении его глобальных политических замыслов по созданию Великой Греко-Российской Восточной империи» [1]. В подобных мотивах мы можем отметить как сугубо внутренние, вызванные развитием идеологии «Москва – Третий Рим», подкрепляющиеся растущим экономическим и военным могуществом России того периода¹, так и внешние, вызванные политическими играми папской Курии и западных держав, желавших вовлечь Россию в войну с Оттоманской империей. «У папства в эту эпоху (XVI–XVII вв.) была давняя идея, которую папы желали внушить всей Европе: идея крестового похода для изгнания турок из Европы... План борьбы с турками одинаково старательно разрабатывался и в Риме, и в Польше. При этом полагали, что для достижения успеха необходимо привлечь и Москву в качестве орудия» [1]. Как мы увидим из анализа до- и послереформенных богослужебных текстов, а также статистики развития русского книгопечатания в XVII столетии, *Ватикан и Запад, возможно, преследовали цель откровенной социальной и идеологической диверсии, а также готовились нанести удар по народному просвещению с целью максимально ослабить Россию.*

«После двух уний с католиками (Лионская в 1274 году и Ферраро-Флорентийская в 1439 году) и двухсотлетнего пребывания под турецким владычеством в греческой церковной практике произошло так много изменений, что русские ставили под сомнение само православие греков. Около 1480 года в архиерейскую присягу было включено обещание не принимать греков ни на митрополию, ни на епископию как находящихся под властью неверного царя» [9]. *У русских формируется явно подозрительное отношение к греческой религиозности.* Никон поначалу достаточно негативно высказывался о современных ему греках и жителях Малороссии: «Гречане и Малые России потеряли веру, и крепости и добрых нравов нет у них, покой и честь тех прельстила, и своим нравом работают, а постоянства в них не объявилось и благочестия нимало» [1].

Немалую роль в проведении реформы, сыграли и события 1654 года, вылившиеся в присоединение к России больших малороссийских территорий, жители которых имели иной, отличный от московского, обряд, а их вероучение также испытало влияние католического богословия. При более глубоком рассмотрении также оказывается, что и эти события сопряжены с «Константинопольским проектом»: «Иерусалимский патриарх Паисий

¹ В 1516 г. старец Филофей в послании к великому князю Василию III пишет ставшие впоследствии знаменитыми слова: «Вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти... Един ты во всей поднебесной христианом царь» [1].

в свой приезд в Москву убеждал царя Алексея заключить союз с гетманом Хмельницким, с мутьянским и волошскими воеводами для общих действий против турок» [1].

Реализация же «Константинопольского проекта» требовала от духовенства как главной идеологической машины государства совершенно иных задач. *Можно и дальше быть самими по себе, сохранять и лелеять свои древние традиции, но возможная унификация русского обряда и обрядов иных поместных православных церквей может добавить политического веса Москве в реализации ее (и не только ее!) планов.*

«Доктор церковной истории, профессор Ленинградской духовной академии Н.Д. Успенский отмечал, что расхождения между греческим православным богослужением и чинопоследованиями Русской Церкви появились только во второй половине XVII века в процессе исправления богослужебных книг, предпринятом в целях унификации русского и греческого богослужения. Инициатор исправления богослужебных книг – патриарх Никон – не обладал теми глубокими богословскими знаниями и ученостью, которыми отличались митрополит Киприан, редактировавший Псалтирь следованную, архиепископ Новгородский Геннадий, попечением которого был сделан первый полный свод библейских книг в славянском переводе (так называемая «Геннадиевская Библия»), а также составитель Четий-Миней – митрополит Макарий. В силу этого он не оставил никаких указаний справщикам Московского печатного двора. Не все благополучно было, по убеждению Успенского, и с источниками справки. Посланный Никоном на Афон за греческими книгами келарь Троице-Сергиевой Лавры Арсений Суханов вернулся 22 февраля 1655 года, а уже через месяц приготовленный к печати список Служебника был представлен на одобрение церковному Собору. Архимандрит Сильвестр Медведев, работавший на Московском печатном дворе с 1678 по 1688 год, отмечал, что исправление Служебника было сделано с «новопечатных у немец греческих книг», причем эти издания не проверялись по древнегреческим и славянским рукописным книгам. В 1880-х магистр богословия С.А. Белоруков нашел в библиотеке Московской синодальной типографии образец для исправления русских церковных книг – греческий Евхологион венецианского издания 1602 года. Позднее профессор А.А. Дмитриевский установил, что в основу Служебника 1665 года был положен Стратинский Служебник Львовского епископа Гедеона Балабана, изданный в 1604 году, но с весьма значительными исправлениями по венецианскому Евхологиону 1602 года. Кроме того, при подготовке Служебника 1655 года были использованы ответная грамота Константинопольского патриарха Паисия на вопросы «О церковных потребах», Киевский Служебник, изданный в 1620 году архимандритом Елисеем Плетенецким, и Служебник митрополита Петра Могилы, изданный в 1629 году. Но все эти издания были малопригодны для исправления, так как в них проявлялось схоластическое богословие» [2].

Но проявление схоластических элементов было не самым главным. Порой редактирование богослужебных текстов проводилось так, что они приобретали, прямо скажем, противоположный смысл. Церковный историк Б. Кутузов в книге «Тайная миссия патриарха Никона» проводит сопоставление дореформенных и пореформенных текстов. Вот, например, какие изменения были внесены в чин Крещения. Старый вариант: *«Запрещает ти диаволе, Господь наш Иисус Христос, пришедый в мир и вселивыйся в человецех»*. Исправленный вариант: *«Запрещает тебе Господь, диаволе, пришедый в мир и вселивыйся в человецех»* [3]. Так кто же пришел в мир и вселился «в человецех»? – закономерно замечает историк. Или еще очевиднее. Старый вариант: *«...молимся тебе, Господи, ниже да снидет с крещающегося дух лукавый»* был исправлен: *«ниже да снидет с крещающимся, молимся тебе, дух лукавый»* [3]. Что это, **простая небрежность справщика или сознательная провокация?**

Нередко исправления лишали изначальный текст его поэтики, точности и выразительности, делали его малопонятным. Дореформенный вариант Архангельского приветствия: *«Богородице Дево, радуйся, обрадованная Марие, Господь с тобою, благословенна ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко родила Еси Христа Спаса, Избавителя душам нашим»*. Было заменено: *«...яко Спаса родила Еси души наших»* [3]. Легко видеть, что старый вариант значительно понятнее даже для современного русского человека, которому при воцерковлении бывает очень непросто привыкать к церковнославянскому языку. Эти примеры, свидетельствуют, что приверженцы старины были далеко не темны и безрассудны, как это часто пытаются представить. **Это была не пустая и бездумная борьба за каждую букву. На наш взгляд, люди рубежа XX и XXI веков, совершенно сознательно воюющие против ИНН и паспортов нового образца, выглядят куда невежественнее и суевернее тех, кто защищал ясность и однозначность языка церковных Таинств, Священного Писания и молитв.**

Обратим внимание на личности тех, кто проводил так называемую «книжную справу» «Арсений Грек – воспитанник иезуитской коллегии в Риме, неоднократно переходил из православия в латинство и обратно, принимал на время магометанство. За еретичество был сослан на Соловки, но Никон в 1652 году освобождает его, делает главным справщиком богослужебных книг и даже поселяет у себя в келье. Арсений же рекомендует Никону Паисия Лигарида, также воспитанника римской иезуитской школы.

Паисий Лигарид – лоза не константинопольского престола, – так отзывается о нем Константинопольский патриарх Дионисий, – я его православным не называю, ибо слышу от многих, что он папешник, лукавый человек. *По современным данным, Лигарид – католический миссионер, направленный на Восток в 1641 году. В Москве он разыгрывает роль православного газского митрополита, приобретает огромное влияние на царя Алексея и во многом*

определяет решения собора 1667 года. Он – главный подручный царя в осуществлении «греческого проекта», его, по словам историка Каптерева, сам царь слушал “как пророка Божия” [1].

Симеон Полоцкий – выпускник польской иезуитской коллегии в Вильно, наставник царских детей (воспитывал их в польско-латинском духе), ловкий борзописец, пишущий комедии для царского театра, активный сторонник Никоновой реформы, написавший полемический трактат против старообрядцев по заказу царя.

В центре проводимых преобразований также оказался известный спор о «царстве и священстве», где интересы Никона и царя Алексея прямо столкнулись. Если второй мечтал о величии византийских базилиевсов, то первый думал о величии вселенских патриархов, претендуя на примерно ту же значимость, что имеет Папа Римский для Западной церкви. «Никон, несомненно, подумывал в этой ситуации уже о вселенском патриаршестве и, зная его беспредельное честолюбие, можно заключить, что эта захватывающая дух перспектива явилась главным и решающим фактором в «созревании» его в известном направлении и превращении в завязанного грекофила. Показательно, что после своего недостойного и неумного демарша с демонстративным оставлением патриаршей кафедры («а как ты, царь, теперь без меня обойдешься?»), когда призрак византийского престола перестал тревожить воображение Никона, с него слетела также и маска напускного грекофильства, сменившаяся полнейшим равнодушием к собственной реформе, к книжным исправлениям. Более того, у себя в монастыре он печатает книги снова по старым образцам» [1].

Естественно, что государственная машина, изменяющая социально-правовую систему общества, нуждается в идеологическом обосновании этих изменений. Возможно, по этой причине первая глава Уложения посвящена преступлениям против веры и Церкви. Но кроме введения соответствующих юридических норм, необходимо, чтобы и сама Церковь, как основной идеологический аппарат, обслуживала интересы государства.

Несмотря на то, что еще в самом начале XVI века побеждает иосифлянская партия, оправдывающая как крупное церковное землевладение, так и сильную репрессивную власть и физическую расправу над инакомыслящими, внутри русских богословских кругов продолжают столкновения идейных позиций.

Так, к примеру, видный отечественный богослов XVI века Ермолай Ерам пишет трактат «Благохотящим царям правительница», где излагает свои политико-экономические взгляды, подкрепленные теологическим обоснованием: «Необходимы вельможи, но вовсе не трудом своим снабжаются они. Необходимы прежде всего земледельцы: от их трудов хлеб, а от него начало всех благ – хлеб на литургии в бескровную жертву приносится Богу и в тело Христово обращается. И вся земля потом от царя и до простых людей питается от их трудов. А они всегда пребывают в скорбных волнениях, ибо всегда несут тяжесть не одного бремени. Следовало бы им одно тяглое бремя нести в году, как и всякое

животное – и птицы, и звери, и скоты – однажды в год мучается линькой. А земледельцы постоянно поднимают гнет разных работ: то платя оброк деньгами, то ямские поборы, то еще какие» [4].

Естественно, что такие взгляды, никак не совпадали с теми реформами, которые проводила власть по отношению к крестьянству. XVII век вошел в историю как век «бунташный». Поэтому государственный аппарат выдавливал из идеологической среды все подобные идеи и людей, их продвигавших. Видимо, этим и обоснован выбор царя – поставить патриархом Никона, обладавшего крепким и властным характером, способного стать авторитетным политиком (есть и чисто психологическая причина: молодой Алексей Михайлович привык быть в тени сильной личности, каковым был дядька и временщик Борис Морозов).

Примером подобной идеологической борьбы могут быть дело и судьба протопопа Ивана Неронова.

Исследователь русского раскола С. Зеньковский так пишет о воспитаннике видного русского богослова и патриота, участника событий Смутного времени игумена Дионисия, *протопопе Иване Неронове*: «Осевши в Нижнем Новгороде в своем маленьком храме, который так подходяще для его работы назывался храмом Воскресения Христова, Неронов начал совсем необычный для русского священника того времени тип церковного служения. Он не ограничивал, как это было обычно, свою деятельность церковными службами, исполнением треб и направлением духовной жизни прихожан, а начал проповедовать и разъяснять смысл слова Божия. В начале XVII столетия проповедь была почти неизвестна на Руси, хотя в домонгольское время русская церковь создала целую школу проповедников, среди которых выдавались такие мастера слова и знатоки Священного Писания, как митрополит Иларион, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Лука Жидята, Серапион Владимирский. Монгольское нашествие подорвало не только политическое и хозяйственное положение Руси, но и ее духовную культуру, и ко времени возвышения Москвы слово Божие уже совсем не проповедовалось в русских церквях. Поэтому деятельность Неронова по объяснению смысла учения Христа была чем-то совсем необычным и даже революционным для церковных нравов Руси того века. Проповеди этого нового “революционного” священника ... были доступны каждому человеку, пришедшему в храм... Проповедь и ясное, понятное всем богослужение были только частью его работы. Следуя примеру Златоуста, он говорил не только о спасении душ, но и о ежедневной земной помощи ближним. Он организует помощь бедным, ... странникам, которых всегда так много было на Руси. Тогда с помощью прихожан, которых он всех неустанно призывал помогать бедным ближним, он построил особый приют и трапезу для странников и больных, где у него иногда собиралось до ста человек его нуждающихся братьев. При церкви Иоанн создает школу, ясно понимая, что просвещение и знание Писания помогут русскому человеку найти путь к спасению и что молитва, нравственность и милостыня являются единственными

средствами для христианского восприятия мира. Наконец, так же, как и он, его жена организует при церкви кружок социально-христианской работы и христианского просвещения» [5].

Совершенно очевидно, что государству, стремящемуся к дальнейшему закреплению крестьянства, были не нужны такого рода народные просветители – сами из народа и работающие во имя народа. *Примеру о. Ивана последовала целая группа священников, так называемых «боголюбцев, ревнителей веры», которая впоследствии подверглась репрессиям.*

Кроме преследования активной части русского духовенства реформа патриарха Никона наносит удар и по книгопечатному делу в России. «Печатающие книги, уже достигнувшее значительных успехов в 1630-х годах, теперь превосходит результат не только первой, но и второй половины XVII века. Следующие цифры лучше всего иллюстрируют развитие русского книгопечатания за все столетие: 1601–1620 гг. – 23 издания книг; 1621–1630 гг. – 45; 1631–1640 гг. – 71; 1641–1650 гг. – 74; 1651–1660 гг. – 62; 1661–1670 гг. – 45; 1671–1680 гг. – 33; 1681–1690 гг. – 63; 1691–1700 гг. – 69.

Эти факты свидетельствуют, что русское книгопечатание достигло максимума своего развития по числу изданий в 1631–1650 годах, то есть как раз в годы движения реформаторов, собравшихся вокруг Неронова. Затем оно резко сокращается во время патриаршества Никона и руководства церковью сторонниками его богослужбных и обрядовых новшеств. При этом необходимо иметь в виду, что большинство книг, изданных после 1654 года, не пополняли книжные запасы русских церквей и школ, но главным образом заменяли прежние издания, объявленные теперь неправильными, которые уничтожались по распоряжению Никона и властей. Таким образом, насыщенность церковью книгами, достигнув значительной высоты в годы движения “реформаторов-возрожденцев”, заметно падает после того, как Никон начал вводить свои перемены в обрядах и книгах... Издание школьных пособий отразилось на росте грамотности и начального образования в Московской Руси, которые, по сохранившимся данным, получили значительно большее распространение, чем думают. По интересным подсчетам Соболевского, во второй половине XVII века белое духовенство было уже поголовно грамотно, хотя за столетие до этого Стоглавый собор еще сетовал на наличие малограмотных и неграмотных священников и дьяконов. Среди монашества число грамотных было ниже, но тоже достигало 75 процентов; близка к ним была грамотность и дворян, колебавшаяся от 65 до 78 процентов на сто душ мужского пола. Среди купечества, наоборот, грамотность была выше и колебалась от 75 до 96 процентов. Среди посадских число грамотных на сто человек мужчин было от 16 до 43, а среди крестьян колебалось около 15 процентов. Новые подсчеты С.К. Богоявленского показывают, что среди низших классов населения в 1670–1680-х годах грамотность была даже несколько выше и достигала 23–52 процента на сто душ мужского взрослого населения в зависимости от областей и социальных групп» [5].

Таким образом, мы видим, что последствия никоновской реформы наносят серьезный удар по просвещению простого народа. Ведь активное грамотное население с высоким религиозно-нравственным сознанием (какое и хотели воспитать боголюбцы) и есть, собственно, базис гражданского общества, какое по своей сути является главным противником и препятствием усиливающегося помещичьего произвола и роста социального расслоения, проходивших, как ни парадоксально, под знаменем европеизации России. А та модель просвещения, которая была позднее введена Петром Первым, была нацелена не на массы, а только на высшие слои и породила, кроме социального, культурное расслоение русского общества. А чем больше разрывов и трещин внутри одной нации, тем выше опасность потрясений и братоубийственных войн.

Церковная реформа, помимо всего, нанесла сильнейший удар по идеологической основе Русского государства, по тем мессианским идеям, основная суть которых была выражена в вышеупомянутой концепции «Москва – Третий Рим». Надо отметить, что это была не просто идеологическая конструкция, сформулированная государством. *«Падение Константинополя в 1453 году невольно привело к тому, что в умах русских людей зародилась мысль, что теперь сам Господь предназначил молодой Руси стать преемником византийских императоров в деле защиты православия, хранения самых чистых заветов Христа. К этому чувству гордости за политические успехи примешивалось и национальное удовлетворение за твердость в делах веры.* Ведь всего лишь за полтора десятка лет до падения второго Рима византийские патриарх и царь признали верховный авторитет всегда ими нелюбимого владыки первого Рима и изменили в глазах православных своей правой вере и догме. В противоположность Константинополю Москва отвергла унию с Римом и осталась верной православия. Теперь русским казалось, что, наказав «изменников»-греков за их отступление, Господь наградил «светлую» Русь за ее стояние за православие и вручил ей защиту судеб христианства. Теория особого избрания Богом нации или государства для защиты веры или даже для распространения религиозного учения, конечно, не была созданием московских книжников. *Почти что каждому народу присуще считать себя особенно важным и особенно ответственным перед Богом, миром, человечеством или историей за сохранение или распространение идей, традиций или типов цивилизаций среди других народов»* [5]. Здесь налицо совпадение объективных и субъективных факторов. Для глубоко религиозного сознания средневекового человека уния и падение Константинополя, зависимость иных поместных церквей от Римско-католической церкви означает только то, что на единственное независимое православное государство наложена огромная ответственность за сохранение чистоты христианской веры. Именно поэтому в 1551 году, после венчания на царство Ивана Грозного, созывается Стоглавый собор. *Нужно было программно оформить эсхатологическую роль России и Русской Церкви.* «Национальные особенности и заслуги русской церкви постоянно

подчеркиваются и в речах Ивана IV, открывшего собор, и в постановлениях собора. Решения, связанные с каноническим правом, более обосновываются на грамотах московских митрополитов и на уставе Иосифа Волоцкого, чем на своих греческих первоисточниках. Греческие святые в речи царя почти не упоминаются. Зато настойчиво подчеркивается роль великих святых русской земли: Бориса и Глеба, Антония и Феодосия, епископа Леонтия и митрополитов Петра, Алексия и Ионы. *Когда собору приходилось выбирать между новогреческим и русским обрядами, а русский отражал более ранние, древневизантийские черты, введенные на Руси еще в десятом веке, то предпочтение, без колебаний, оказывалось русскому, освященному веками его употребления на Руси»* [5]. В частности, в «Стоглаве» **однозначно утверждено древнее двоеперстное крестное знамение**: «Якоже предаша нам самовидцы и слуги божия слова святии апостолы и святии отцы, такоже подобает и всем православным крестьянам руку уставляти и *двема персты крестное знамение на лице своем вообразити и поклоняться, якоже и преди рехом. Ащели кто двема персты не благословляет, якоже и Христос, или не вообразает крестного знамения, да будет проклят, святии отцы рекоша»* [6]. Однозначно «Стоглав» регламентирует и **возможность исправления ошибок в священных текстах**: «А которые будут святыя книги евангелие и апостолы и псалтыри и прочая книти, в коейждо церкви обрящете, неправлены и описливы, и вы бы те все святыя книги *с добрых переводов справливали соборне, занеже священныя правила о том запрещають и не повелевають неправленых книг в церковь вносити, иже по них пети»* [6]. Во-первых, здесь подчеркивается, что для исправления необходимо пользоваться «**добрыми переводами**», к которым, конечно, с точки зрения русского человека той поры, не могут относиться сделанные на скорую руку переводы венецианских изданий, во-вторых, исправления необходимо делать **соборно**, а не руководствуясь сомнительным авторитетом приглашенных справщиков, которые оказываются еще и выпускниками иезуитских коллегий. *Поэтому можно однозначно сказать, что поправка «Стоглава» не могло означать чего-то иного, кроме поправки самих основ существования Русского православного государства.*

К тому же мы ясно видим, что «Стоглав» **четко регламентирует возможность самого внесения исправлений в священные книги**. Так что для русской церкви вопрос «книжной sprawy» не был к XVII веку чем-то совершенно новым и незнакомым, как это нередко пытаются представить. Действительно, проведенная ранее митрополитом Геннадием Новгородским кодификация библейских книг («Геннадиевская Библия»), собственный перевод с греческого языка Четвероевангелия митрополитом Алексием Московским, различные издания Псалтыри вовсе не встречали в народе и духовенстве подобных протестов, хотя для той же «Геннадиевской Библии» использовался опыт Западной церкви, так как на Руси книги Священного Писания до этого выходили по отдельности.

Мотив же сопротивления «чужой вере» имеет на Руси достаточно древние корни и выходит далеко за пределы описываемых событий. В домонгольской Руси христианство долго воспринималось народом как некая особая «княжеская» вера, естественно, чужая и не совсем понятная. Поэтому языческие волхвы нередко руководили народными протестами против произвола властей. «В се же лето, – говорится в летописях, – встали волхвы в Суждали, избивали старую чадь... говоря, что они держат гобино (урожай, добро)... был мятеж велик и голод по всей стране... слышав же Ярослав волхвы приде к Суждалю, изымал, волхвов растопчил, а других показнил”.

Приведенный отрывок из летописи свидетельствует о том, что волхвы-язычники, пользуясь смятением горожан и хвалясь данным им свыше откровением, уверяли, что знают тайную причину голода, и обвинили в чародействе зажиточных феодалов («старую чадь»). Суздальцы восстали против них, и в городе произошел мятеж» [7].

Так, в XVII веке мотив борьбы «двух вер» – «властной» и народной обретает новые очертания. Только теперь в роли родной веры выступает не язычество (хотя его элементы, безусловно, были), а как раз тот старый идеал Святой Руси, которому, по мнению народа, изменила власть, проводя реформы, опираясь на иностранный авторитет. Не надо думать, что концепция единственного подлинно православного царства была чужда и непонятна народу. Наоборот, при отсутствии письменной языческой традиции она прочно срослась с представлениями людей о родной народной вере, которая часто вынуждена противостоять как каким-то чуждым внешним насаждениям, так и произволу светских и духовных правителей.

*Наши царь над царями царь,
Светла Русь земля – всем землям мать.
Почему Белый царь над царями царь?
Он принял царь веру хрещенную,
Хрещенную православную,
Он и верует единой Троице [5].*

То же самое говорится в знаменитой «Голубиной книге». Поэтому ясно, что народ чувствовал, когда ему стали внушать мысль о том, что русское православие недостаточно верно и требует вмешательства иноземцев. Это не могло быть понято иначе, как знак скорого прихода антихриста и конца времен. «*Третий Рим стоит, а четвертому не быти*».

Недаром именно народное сознание породило легенду о Невидимом граде Китеже, наше национальное подобие платоновской Атлантиды, в образе которого, несомненно, отразилась та Святая Русь, которая, увы, оказалась под запретом, которую сам Господь Бог по своей милости укрыл от сильного и жестокого врага, но тайна которой может быть доступна избранным. «И не видим будет Большой Китеж даже и до пришествия Христова, яко же

и в прежняя времена бысть сия, яко же свидетельствуют жития святых отец, патерик Монасийский, патерик Скитский, и патерик Азбучный, и патерик Иеросалимский, и патерик Святая Горы, яко сия святые книги согласны, в них писаны жития святых отец, и сокровенные обители не едина, но много монастырей, и в тех монастырех множество бысть святых отец, яко звезд небесных просияв житием своим. ...нам глаголет и преподобный Иларион Великий, о святых пишет: *«И такоже убо в последнее время будет сие: грады и монастыри сокровенныя будут, якоже антихрист царствовати начнет в мире. Тогда побегут в горы и в вертепы, и в пропасти земныя»* [8].

Помимо этого, тот тип духовности, который был впоследствии внедрен в систему просвещения новообрядческой Церкви в академиях и семинариях, во многом чужд русской религиозно-философской традиции. На Руси издавна считалось, что знание, не сопряженное с внутренним преображением, «обожением», преодолением греха, не только не полезно для человека, но даже вредно, так как приводит к греху гордыни. Поэтому отвлеченное, абстрактное знание, само по себе не требующее ничего от человека, его носящего, именовалось «внешней мудростью» или «плотским (поверхностным – прим. авт.) мудрованием». Русским книжникам приходилось с самой древности обосновывать свое право на использование абстрактных философских толкований и обращение к античной традиции. Так, еще в XII веке митрополит Климент Смолятич в «Послании к Фоме» вынужден аргументировать собственное обращение к Гомеру, Платону и Аристотелю в истолковании Священного Писания: *«А речеши ми: Философьею пишеши, а то велми криво пишеши, а да оставль аз почитаемаа Писания, ах писах от Омира, и от Аристотеля, и от Платона, иже во елиньских нырех славне беша»* [9].

Позже и преподобный Максим Грек, получивший образование на Западе предостерегал русского человека от чрезмерно отвлеченного латинского богословия: *«Иди мыслию в итальянские училища и увидишь, как там Аристотель, Платон и другие философы потопляют многих, подобно текущим потокам. Там никакой догмат не считается верным: ни человеческий, ни Божественный, если не подтверждается силлогизмами Аристотеля»* [5].

Показательным в данном вопросе является и трактат митрополита Московского Даниила (XVI в.) «О философии внимай разумно да не погреши». Данное произведение является комментарием к «Диалектике» Иоанна Дамаскина, известной на Руси во многих списках. Даниил вводит дополнительные определения философии к тем, которые уже дал автор «Диалектики».

«Философия Божие дело есть и мысль непрестанная к Богу» [2]. На первый взгляд, этот тезис напоминает цитату из «Метафизики» Аристотеля: *«Божественна та из наук, которой, скорее всего, мог бы обладать Бог, и точно так же божественной была бы всякая наука о божественном»* [1]. Возможно, митрополит

Московский Даниил просто цитирует Аристотеля, но важно иное: то, что **философия в первую очередь трактуется у него как дело, а уже только потом как мысль**. В «Метафизике» подобный смысл совершенно отсутствует. Что же такое это «Божие дело»? Дело ли это самого Бога или человека в его стремлении к Богу? Скорее всего, здесь имеется в виду синергия. **Русскому средневековому мыслителю практически чужд спекулятивный абстрактный идеализм, свойственный западноевропейской религиозно-философской традиции**. Его всегда более интересовала практическая сторона вопроса. Недаром в России самым любимым жанром религиозной литературы всегда были жития.

Русская средневековая богословская традиция уделяла серьезное внимание нравственному совершенству, тому, **ЧТО человек есть, а не тому, кем он мыслится**. Эту особенность подчеркнул и о. Павел Флоренский в труде «Столп и утверждение истины», где сравнивает русское ИСТИНА и латинское Veritas. *Если русское восходит к глаголу «Есть», «Быти», то латинское только к верному знанию*.

«Философия в мысленных трудах и потех и подвизех божественное делание и уставъ и чинъ имат, и слезы, и молитвы, и умиление, и смирение, и еже въ ум боговидение и умъ к Богу имат беспрестани» [10].

Несомненно, редакция Даниила обусловлена его особой ценностной ориентацией, в которой жизнь – «бытие по духу» – ставится выше умозрительного познания».

Так, например, протопоп Аввакум в своих выпадах против церковных новшеств часто критикует именно тот образец просвещения, который проводили малороссийские богословы – воспитанники латинских школ. В его глазах малороссийские просветители, такие, например, как Симеон Полоцкий, предстают в первую очередь гордецами, чьи знания, начитанность, кругозор служат не внутреннему «деланию», возвышению души, «обожению», а, наоборот, висят балластом, являются проявлением как раз той «вещественной», плотской мудрости. Мятежный протопоп в своем «Житии» не раз намекает, что именно та, старая, русская православная традиция сохранила приоритет «делания» перед простой мыслью, ведь «вера без дел мертва»: **«Понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет...**

Диалектике и риторике не учен, но Разум Христов в себе имам... Понеже ни ритор, ни философ не может быти христианин» [11].

Здесь, конечно, имеется в виду как раз образец «плотского» надменного и гордого философствования, от которого пытался уберечь читателя «Диалектики» митрополит Даниил.

Так, утверждение в русских духовных учебных заведениях сухого, отвлеченного схоластического богословия практически покончило с пониманием

философии как «делания». Как известно, в Византии существовало двоякое понимание терминов «философия» и «философ»: с одной стороны, преимущественно **интеллектуалистическое**, при котором философия мыслилась прежде всего как **познание**; с другой стороны, **монашески-аскетическое**, усматривавшее в философии «путь умного делания». **Философом в таком понимании был истинный подвижник благочестия. На Руси были известны оба эти значения, хотя второе постепенно стиралось и у «любомудрцев» начала XIX века память о нем, по существу, была утрачена.** Любопытно отметить, что в греческой и славянской традиции в одном из стихотворений, сопровождающих сочинения Дионисия Ареопагита и посвященных этому мыслителю и подвижнику, мы читаем:

*И умную лучу оставил еси, и разум сущих,
Ноци ради бессмертные, юже несть лъзя именовати.*

Памятуя, что «разум сущих» есть первое определение философии в «Диалектике» Иоанна Дамаскина, мы должны будем сделать вывод, что Дионисию Ареопагиту ставится здесь в заслугу именно *переход от интеллектуалистической, зависимой от слова, «словесной» философии (как «логики» и «познания») к философии «надсловесной» (смыслы которой невыразимы обычными словами – «несть лъзя именовати»)*, металогической или скорее метанозгической, предполагающей не только изменение (и в известном смысле «преодоление») ума, но и преобразование всего способа **б ы т и я** [10]. В какой-то мере подобную **онтологизацию** философии, переход от «любомудрия» в смысле познания к «любомудрию» как к стремлению и приобретению духовного преобразования, суть которого невыразима словесно, логически, можно сопоставить с опытом Иммануила Канта, который, во многом формально и схематически, показал, что соприкосновение с абсолютной Истиной, **ноуменом** (ср. «несть лъзя именовати»), в полной мере становится возможным лишь в сфере действия, а не познания. *Любопытно, что критика спекулятивной, «словесной», философии у Канта и митрополита Даниила имеет примерно одинаковые основания.* «Я не могу, следовательно, даже допустить существование Бога, свободы и бессмертия для целей необходимого практического применения разума, если не отниму у спекулятивного разума также его притязаний на трансцендентные знания... Поэтому мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере [12].

«Философския словеса и мудрости. Словесница аристотелскаа, богословница Платонова, пиитикиа, многих философь суть слова. Теми многоразличными книгами может человек о Христе премудрости учиться, и кииждо философь философство твердоразумно дръжати, и словеса и речи украсити

и составлять, и книги своя сотворяти. Главизна повествуется ей Омиро. Рече святыи Иван Дамаскын: аще что и от внешних мудрець приобрести можем, неотметно есть. Да будем искусни купци, еже истинное и чистое яко злато събирающе, а нечистое отめщюще» [10]. Здесь ясно сказано, что древнегреческие философы и поэты объединены в разряд тех же «внешних мудрецов». Но их опыт оказывается полезным лишь в том случае, если служит делу Христа. Но не просто абстрактно-номинально, а только если является вспомогательным к вышеуказанному «деланию».

Можно также и четко оценить, почему книги, печатанные по европейским образцам с этих позиций, так не приглянулись ревнителям старины: они ставят все с ног на голову. **Схоластическая традиция опирается в первую очередь на формальное, спекулятивное, прямо сказать, юридическое обоснование, которое только во-вторых уже воспринимается в качестве руководства к исполнению или как запрет.** То есть, выражаясь языком митрополита Даниила, провозглашается приоритет «внешней мудрости» над «деланием», такая добродетель не вырастает изнутри, облекаясь и напитываясь положительным опытом философской традиции, а насаждается как норма, обоснованная посредством внешней мудрости, плотской и вещественной.

В заключение хочется сказать, что братия Соловецкого монастыря, державшая осаду царских войск семь лет, не приняв новопечатных книг, прекрасно понимала, что борется далеко не только за старый обряд. Ведь так же, как отмечал очевидец, осаждавшие монастырь, старинный русский духовный и промышленный центр, были из «немцев и поляков, истинных латынцев» [13].

Список литературы

1. Кутузов Б. О старообрядчестве [Электронный ресурс]. – URL: http://Krotov.info/libr_mini11_k/ut/uzov_02/htm.
2. Балалыкин Д.А. Проблемы «Священства» и «Царства» в России второй половины XVII в. – М.: Весть, 2006. – 336 с.
3. Кутузов Б. Тайная миссия патриарха Никона. – М.: Алгоритм, 2007.
4. Еразм Ермолай. Благохотящим царям правительница [Электронный ресурс]. – URL: <http://old-ru.ru/07-45.html>.
5. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. – М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. – 669 с.
6. Стоглав [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ateismy.net/content/spravochnik/lawshistory/stoglav.html>.
7. Ионина Н.А. Суздаль. История. Легенды. Предания. – М.: Вече, 2012. – 304 с.
8. Музафаров А.А. Таинственный Китеж-град. – М.: Вече, 2015. – 256 с.

9. Митрополит Климентий Смолятич. Послание к Фоме [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.wayculture.ru/dones-472-3.html>.

10. Гаврюшин Н.К. Митрополит Даниил – редактор «Диалектики» [Электронный ресурс]. – URL: <http://krotov.info/history/16/1500/gabryushin.htm>.

11. Протопоп Аввакум (Петров). Житие протопопа Аввакума, им самим написанное [Электронный ресурс]. – URL: http://modernlib.ru/books/protopop_avvakum_petrovich/zhitie_protopopa_avvakuma_im_samim_napisannoe/read_1/.

12. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2007.

13. Лясковская Н. Соловецкие сидельцы [Электронный ресурс]. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/06/13/soloveckie_sidelcy/

14. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича Романова 1649 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/sobornoe-ulozhenie-1649/index.htm>.

References

1. Kutuzov B. O staroobryadchestve [Church dissent. Experience of historical and philosophical conceptualization], available at: http://Krotov.info/libr_mini11_k/ut/uzov_02/htm

2. Balalykin D.A. Problemy «Svyashhenstva» i «Carstva» v Rossii vtoroj poloviny XVII v. [Problems of "Priesthood" and "Kingdom" in Russia in the second half of XVII century]. Moscow: Vest', 2006. 336 p.

3. Kutuzov B. Tajnaya missiya patriarxa Nikona [Secret mission of Patriarch Nikon]. Moscow: Algoritm, 2007.

4. Erazm Ermolaj Blagoxotyashhim caryam pravitel'nica [Governess for kings who want blessing], available at: <http://old-ru.ru/07-45.html>

5. Zen'kovskij S.A. Russkoe staroobryadchestvo [Russian Old Believers]. Moscow: Institut DI-DIK, Kvadriga, 2009. 669 p.

6. Stoglav [Stoglav], available at: <http://www.ateismy.net/content/spravochnik/law-shistory/stoglav.html>

7. Ionina N.A. Suzdal'. Istoriya. Legendy. Predaniya Church dissent. Experience of historical and philosophical conceptualization [Suzdal. History. Legends. Tradition]. Moscow: Veche, 2012. 304 p.

8. Muzafarov A.A. Tainstvennyj Kitezg-grad [Mysterious Kitezg-grad]. Moscow: Veche, 2015. 256 p.

9. Mitropolit Klimentij Smolyatich Poslanie k Fome [Letter to Thomas], available at: <http://www.wayculture.ru/dones-472-3.html>

10. Gavryushin N.K. Mitropolit Daniil – redaktor «Dialektiki» [Metropolitan Daniel – Editor of "Dialectic"], available at: <http://krotov.info/history/16/1500/gabryushin.htm>

11. Protopop Avvakum (Petrov). Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe [The Life of Avvakum written by himself], available at: http://modernlib.ru/books/protopop_avvakum_petrovich/zhitie_protopopa_avvakuma_im_samim_napisannoe/read_1/

12. Kant I. Kritika chistogo razuma [About Old Believers]. Moscow: E'ksmo, 2007.

13. Lyaskovskaya N. Soloveckie sidel'cy [Solovetsky sideltsy], available at: http://ruskline.ru/analitika/2013/06/13/soloveckie_sidelcy/

14. Sobornoe Ulozhenie carya Alekseya Mixajlovicha Romanova 1649 goda [The Code of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov 1649], available at: <http://www.bibliotekar.ru/sobornoe-ulozhenie-1649/index.htm>

Получено 23.12.2015